

Принцип «Сказания» совершенно иной — его автор сознательно ставится на народную позицию создания сказочного вымысла как действительности. Поэтому он не смог почерпнуть многого в этом смысле из труда своего предшественника и обратился, для освещения отдаленных тем, непосредственно к летописи, данные которой теперь были несравненно богаче, чем в XI в., а то, что было ближе, обогащал из запасов своей собственной памяти.

Особенно выразителен в этом отношении рассмотренный выше рассказ о чуде с сухорукой. Под пером Лазаря он пополнился реальными и точными подробностями и обрел животрепещущую социальную остроту. Само введение в рассказ собственной фигуры Лазаря было не только данью гордости и честолюбию маститого и близкого к самому Мономаху иерарха. Важнее другое — его, Лазаря, конечно, хорошо знали, и появление его в качестве главного соучастника и свидетеля чуда — исцеления сухорукой — повышало в глазах читателя его реальность.

То же стремление доказать реальность чуда явно сказалось в повествовании об узниках. Мы его приводим полностью ниже и еще вернемся к его анализу. Здесь же отметим лишь некоторые любопытные моменты. С наивной непосредственностью автор заставляет самих Бориса и Глеба позаботиться о доказательствах своего явления и освобождения заключенных. Выпустив одного, они ослепляют и оставляют в темнице другого «на уверие прочим еда не начнут вы веры яти». Иными словами, здесь доказательства усилены, — человеку могут не поверить, и, чтобы подкрепить его показания о чуде, вводится как бы «вспомогательное чудо». ⁶⁶ Ту же цель усиления конкретности вымысла преследовало возвращение в «Сказание» личных имен, социальных характеристик действующих лиц, географических названий и различных бытовых реалий и т. д. Как и в рассказе о чуде с сухорукой, в рассказ о чуде с узниками введены реальные, выхваченные из жизни детали.

Особенно интересно в этом смысле описание обстановки самой тюрьмы и обстоятельств освобождения узников. Они содержались в большой земляной тюрьме — «погребе». Интересен сам термин — заключенные как бы погребены заживо в земле. Яма была, очевидно, перекрыта накатом, засыпанная землей. В этом своем виде земляная тюрьма напоминала так называемую срубную могилу. В момент чуда дверь, вернее люк в этом накате, был не только «заключен», т. е. заперт на ключ, но и «погребен», т. е. тоже завален землей, а лестница, по которой можно было спуститься в погреб, была вытащена и лежала «въне», т. е. снаружи. Видимо, дело узников было, как говорится, пропавшее, так как из летописи известны случаи, когда погребенные в подобных «земляных мешках» узники умирали от удущья, что иногда входило в планы заточивших их князей, т. е. «заключенные» гибли «нужной смертью».

Точность описания земляной тюрьмы поразительна! ⁶⁷ Хорошо описаны

⁶⁶ Д. И. Абрамович. Жития... стр. 61—62.

⁶⁷ В своей работе — житище IX—XIII вв. (История культуры древней Руси, т. I. М.—Л., 1951, стр. 226—228) я ошибочно объединял земляную тюрьму — «погреб» и бревенчатую тюрьму — «поруб». В рассказе о киевском восстании 1068 г. встречаются оба термина. Это обстоятельство позволило Л. В. Алексееву восстановить две версии рассказа о восстании — южную и северную (Полоуккая земля в IX—XIII вв. Кандидатская диссертация. Автореферат. М., 1955, стр. 12). Устройство тюрьмы наследовало местную домостроительную традицию: южный «погреб» восходил к полужемляночным жилищам, северный «поруб» — к срубным постройкам. Иллюстратор оригинала Радзиловского списка летописи в миниатюре освобождения Всеслава изобразил именно бревенчатую тюрьму — «поруб» (см.: История культуры древней Руси, т. II. М.—Л., 1951, рис. 9). В «поруб» же был заключен в Пскове князь Судислав (ПВЛ, т. I, стр. 102).